

18+

Александр Васильев

**Очерк познания
фундаментальных
оснований «лучшего
общества»**

Александр Васильев

**Очерк познания
фундаментальных оснований
«лучшего общества»**

«Издательские решения»

Васильев А.

Очерк познания фундаментальных оснований «лучшего общества»
/ А. Васильев — «Издательские решения»,

Книга представляет читателям краткий очерк как прошлого научно-философского, так и недавнего авторского познания фундаментальных оснований прогрессивного общественного развития, — с соответствующей расширенной библиографией и тематическим приложением. По выводам автора она может быть использована в разработке и формировании «системологической» теории общества, как теории «рационального общества» («лучшего»), в качестве системного ядра теоретической социологии.

© Васильев А.

© Издательские решения

Содержание

1. Очерк развития мышления в научном познании человеческого общества*	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Очерк познания фундаментальных оснований «лучшего общества»

Александр Васильев

© Александр Васильев, 2026

ISBN 978-5-0070-1371-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Очерк развития мышления в научном познании человеческого общества*

«Истина доказывается не одним мышлением, а мышлением и бытием».

«Каждый момент развития науки, проходя, как односторонний и временный, непременно оставляет и вечное наследие...»

Призвание мышления в том и состоит, чтобы развивать вечное из временного!».

«Догматизм в науке не прогрессивен; совсем напротив, он заставляет живое мышление осесть каменной корой около своих начал».

(«Словарь афоризмов русских писателей».

Герцен А. И.)

Мышление есть достижение эволюции, предоставленное человеку для его адаптивного существования и развития. Соответственно и мышление общества, эволюционно образованного в качестве функционально целостной «живой организации», сверхорганизма, должно было быть и развиваться в качестве наилучшего для успешной адаптации и наиболее прогрессивного развития. Таким образом, адекватная в этом и других планах организация мышления общества является, можно сказать, первой и главнейшей фундаментальной (системной) основой прогрессивного общественного развития, адекватно изменяющимся условиям окружающего мира.

Данная статья научно определена как дополнение предыдущих [1] (и др., см. авт. стр. сайта) в части раскрытия фундаментальных (системных) оснований существования и развития начальной, — коммуитарной (в сущности) «антропосоциальной целостности» (АСЦ), вербально отраженной (много позже) в высших структурах её сознания, — например, на латинском языке словом *communitas*, на французском — *commune* (коммуна, община). Кстати, словарь С. И. Ожегова определяет «комму» предельно кратко, но достаточно точно:

«КОММУНА, -ы, ж. 1. Коллектив людей, объединившихся для совместной жизни на началах общности имущества и труда. Трудовая к. 2. В нек-рых странах: административно-территориальная единица».

Под «имуществом» надо понимать, очевидно, все множества средств обеспечения жизнедеятельности человека, коммуны, а под «трудом» все множества действий и процессов жизнедеятельности направленных на обеспечение надежности существования и развития коммуны (как живой АСЦ) в изменяющихся условиях окружающего мира.

Становление и развитие «социологического» познания

Исследуя развитие высшей мыслительной деятельности в человеческом обществе, мы видим формирование различных специализированных направлений этого мышления не только в познании окружающего мира, но и в плане познания общества, — текущего, прошлого и как такового, — в сравнительном сопоставлении с исторически достигнутыми состояниями (в социальной памяти) и другими общественными формациями (соседними и отдаленными). Развитие такого мышления привело, как известно, к формированию многих методологических дисциплин (мышления), которые были названы науками. Здесь надо сразу же обратить внимание на существенную историческую задержку формирования и установления главной науки — Социологии как науки о человеческом обществе. Автором первоначального проекта её признан Огюст Конт [2—4]. Теперь, с высоты исторических стадий и направлений развития

этой науки, — «слабо, неадекватно определенной» [5; 6], можно видеть, что она (от рождения) функционировала в общественном сознании под определяющим действием религиозного и политэкономического мышления, мышления всё новых лидеров религиозной, экономической и политической деятельности. Таким образом, Социология (определяемая в реальности живыми носителями конкретных знаний и умений мышления), можно сказать, сразу же стала во многом служебной наукой, наукой познания конкретного, властно (божественно, — ввиду сакрализации власти) развиваемого общества (а не общества как такового), — определяемой, соответственно, религиозным, экономическим и политическим мышлением, — сложившимся задолго до формирования научно-философского социологического мышления, Социологии.

В нашей современности властное господство «политической экономии», пришедшей в Россию с враждебного Запада, продолжается. Она действует, надо сказать, уже не «инкогнито», — по выражению К. Поланьи — [7; 8], а в качестве функционально высшей, тотально действующей на общество и его развитие информации, — так называемой парадигмы. И поскольку действует она на общественное развитие во многом отрицательно, то по результатам научно-системных исследований, в сопоставлении с опытом СССР, мы приходим к выводу, что системное возвышение российского общества (призванного, по научному развитию и историческому опыту быть лидером в научном самопознании и самосовершенствовании) невозможно без системного исследования прошлого общественного развития в принципе [9].

Властное действие экономической парадигмы, — «экономики обогащения», политически возвышенной, надо сказать, известными общественно неадекватными, но «ведущими экономистами» до состояния высшей, властвующей над всем обществом науки, распространяется теперь и на высшее мышление в Социологии, в научно связанных социально-гуманитарных науках и в «обществознании» для общегражданского образования, определяет их развитие. Скажем прямо, многим ученым и особенно «руководителям» даже выгоднее, удобнее быть подчиненными этой власти, чем пытаться вырабатывать и предлагать иные, прогрессивные парадигмальные основания общественного развития.

Авторский опыт системных исследований (свободных от этой власти) приводит к необходимости дополнения предыдущих публикаций кратким (вводным) системным взглядом на истинные фундаментальные основания устойчивого прогрессивного развития, эволюционно предписанные человеческому обществу. Истинными их следует считать потому, что эти основания выработаны великой эволюцией «живых целостностей» (организмов), раскрыты соответствующими научными и научно-философскими системными исследованиями и в значительной мере выверены уже великим опытом СССР. Кстати, политически внедренный в общественное сознание молодых поколений (и сохраняемый через СМИ, с периода «перестройки»), можно сказать, «мем о социализме» как ошибочном пути, приведшем к «развалу» СССР, следует считать (на взгляд автора) сверхошибочным политическим воздействием, — по сути запрещающим (по умолчанию) предельно глубокое, системное осознание прошлого с целью выработки наиболее прогрессивных оснований развития в ближайшем будущем [9]. Тем более, что научно-политические исследования и сравнительные оценки общественного развития последних десятилетий убеждают в том, что СССР не был развален «социализмом», его «развалили» известные уже многим деятели, «великие экономисты» и харизматичные для «голосующего» народа лидеры. Это подтверждают многие уже исследования российских ученых [10—15]. Ведущий социолог Ж. Т. Тощенко делает, например, такой вывод [12]:

«Приведенных аргументов, на наш взгляд, достаточно для вывода, что эта геополитическая катастрофа была рукотворной (надо сказать, была подготовлена политэкономически и служебным развитием социологии, обществознания для политиков и экономистов, — А.В.). Не были учтены ни позиция народа, ни выводы науки — развитие пошло по пути, навязанному пассивному большинству активным меньшинством, состоящим из амбициозных, жела-

ющих получить власть, решительно и антисоветски настроенных людей, готовых к кардинальным переменам в стране и умело скрывающих свои конечные цели».

Здесь надо отметить, соответственно, существенную научно-историческую роль кризисного развития советской социологии (обществознания для элит), которое определило мышление научно-политических элит, известных экономистов—реформаторов и государственных лидеров, — не «образовало» общественно адекватное (системное) и национально ответственное мышление их. Эту роль и сам кризис «мышления о главном» наиболее полно раскрывают, например, Р. Х. Симонян [15; 16] и С. Г. Кара-Мурза [17—19] (их научные работы сохраняют свою актуальность).

Надо сказать, что проблема общественного самопознания, — самоотражения высшими структурами общественного сознания сущности общества как такового и текущего его состояния, путей установления исторически бывших, кризисных и наилучших состояний, требует скорейшего научно-интеллектуального разрешения, поскольку, ввиду общественной неадекватности социального образования народа, — включающего будущих лидеров управления общественным развитием, — по всем уровням государственной иерархии, сохраняются риски соответствующих «промахов», «недоработок» и «провалов». Общесоциальное и специальное «Образование» объективно назначено Обществу для его полноценного воспроизводства и динамичного (в исторических мерах) прогрессивного развития всех его характеристик, обеспечивающих наиболее *могущественное* состояние относительно окружающего мира и благоприятное сотрудничество с мировым сообществом.

Таким образом, прежде чем рассматривать «эволюционно предписанные» фундаментальные основания (выверенные социализмом СССР) сделаем далее краткий взгляд на отечественную Социологию, призванную по своему объективному назначению изучать не только текущее развитие общества (каким бы оно ни было), но и глубинные основания этого развития, то есть, как принято говорить, теоретические основания. Остановимся здесь на рассмотрении наиболее близких рассуждений ведущего социолога, своего времени, К. К. Жоля в кратком, но достаточно информативном учебном пособии [20]. В главе, посвященной Экономике и Социологии как ведущим наукам, видится целесообразным выделить следующие тезисные фрагменты (с. 314 и далее):

«... целесообразно сразу перейти к рассмотрению тех общих для экономики и социологии вопросов, решение которых привело к возникновению дисциплины, которую можно назвать социологией экономики по аналогии с социологией религии или науки. Это название не является общепринятым и некоторыми учеными оспаривается (в современной Социологии такая дисциплина не просматривается, — А.В.). Тем не менее, я предлагаю принять его как некоторую удобную конвенцию для рассмотрения проблематики, которая выходит за рамки собственно экономики и социологии, образуя своеобразный синтез метаэкономики и метасоциологии. Насколько такой подход допустим, я попытаюсь продемонстрировать в данной главе, рассмотрев некоторые ключевые для экономики и социологии вопросы.

Чему отдать приоритет — социологии труда, социологии промышленности или экономической социологии? По небесспорному мнению некоторых маститых социологов, одной из самых развитых социологических дисциплин является социология труда, чьи научные притязания достаточно велики, хотя и не существует общепризнанного определения предметной области ее исследований. В первом приближении можно сказать, что социология труда пытается подойти к изучению человеческой трудовой деятельности как к социально обусловленной активности, преследующей цель удовлетворить материальные и духовные запросы людей. Если согласиться с предлагаемой характеристикой исследовательской ориентации социологии труда, то мы должны будем заняться выяснением социального смысла тех отношений, которые порождаются трудовой деятельностью человека и, в свою очередь, опре-

деляют место и роль трудящегося человека в общей системе социальных связей. Иными словами, социологию труда интересует не только сфера производства тех или иных предметов потребления, но и жизнь человека вне этой производственной сферы в качестве потребителя им же созданного продукта. Следовательно, мы должны учитывать, что в свободное от работы время человек воспроизводит себя, помимо всего прочего, еще и для работы (восстанавливает физические и психические силы, повышает свою квалификацию и т. п.). <...>

Между тем человек как социальное существо, обладая всеми этими качествами, является целостной личностью, а не абстрактным фактором или функционером, хотя в некоторых ситуациях и может быть превращен в «винтик». Когда же стало ясно, что человек — это прежде всего социальное существо, то есть существо, связанное множеством социальных нитей с другими такими же существами, что отражается на характере и общественной значимости трудовой деятельности, тогда и началось, по мнению ученых, формирование социологии труда, иногда называемой социологией промышленности или промышленной (индустриальной) социологией. Впрочем, первой на свет все-таки появилась промышленная социология и быстро терминологически закрепилась в англосаксонской литературе. Немного позже во французской и немецкой литературе начало фигурировать выражение «социология труда». <...>

Часть нынешних социологов склонна считать, что социология труда и промышленная социология являются двумя взаимосвязанными, но относительно самостоятельными научными дисциплинами. Я разделяю эту точку зрения хотя бы по тем соображениям, что социология труда более всеобъемлющая и более исторична, чем социология промышленности. Даже из самого названия «социология труда» явствует, что эта дисциплина не ограничена изучением трудящегося человека индустриального общества, ей доступны и другие виды трудовой деятельности в разных условиях хозяйственной жизни того или иного общества.

В свете сказанного рассмотрим конкурента социологии труда и промышленной социологии, который впервые заявил о себе в США и нашел поддержку в работах российских ученых Т. И. Заславской и Р. В. Рыбкиной. Речь идет о так называемой экономической социологии (социологии экономической жизни)».

Здесь полезно привести краткие фрагменты из соответствующей книги указанных ученых — [21]:

«Тенденция сближения экономических наук и социологии в мировой науке не является новой. Достаточно познакомиться с содержанием учебников по истории экономической науки, чтобы убедиться, что вся она пронизана социологическими теориями. Классики мировой социологии М. Вебер, Т. Веблен, В. Парето, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и другие обогатили экономическую науку институциональным подходом, представлениями о социальной стратификации и мобильности в сфере экономики. К сожалению, в советской экономической науке эти подходы широкого распространения не получили. Несмотря на то что в СССР запрет на социологическую науку задержал формирование ряда стыковых дисциплин, в том числе экономической социологии, определенные исследования в этой области начали проводиться давно. Так, к концу 50-х годов в Новосибирском научном центре сложился коллектив экономистов с «социальным уклоном» (во главе с Г. А. Пруденским, В. Д. Патрушевым и др.). <...>

Эти экономические исследования вплотную смыкались с социологическими, поскольку ученые концентрировали свое внимание на социальной стороне экономических процессов. Кроме того, Новосибирский научный центр стал одним из первых развивать ту ветвь конкретной социологии, которая связана с экономикой. <...> В рамках этой прогрессивной тенденции и зародилось новое для нашей страны научное направление, получившее название экономической социологии.

Объект изучения здесь — закономерности функционирования социальных групп в системе экономических отношений и соответственно развитие экономики как социальный

процесс. Ни политическая экономия, ни общая социология этот объект специально не изучают».

То есть социология как высшая наука, — по своему объективному предназначению и определению О. Контом, оказалась в теоретическом направлении своего развития полностью подчиненной экономическому развитию общества, — которое определялось и продолжает определяться, главным образом сознанием «ведущих экономистов» и политических лидеров государства (действующих, как правило, согласованно, посредством «экспертных согласований»). Можно сказать, Социология родилась в человечестве слишком поздно, после всеобщей «трансформации» обществ и их развития под властью «экономики», — К. Поланьи — [7; 8]. Развитие Социологии в качестве высшей науки было коренным образом заблокировано политически, поскольку все новые знания, полученные научно-философским (методологически высшим) изучением человеческого общества как такового, отличные от существующих в ведущем политэкономическом сознании «главных экономистов» и государственных лидеров становились (и до сих пор становятся) политически (государственно) оппозиционными. Таким образом, Социология, можно сказать, родилась в качестве политически инструментального научного института в общественном сознании и, соответственно, ограничила свою научную деятельность, главным образом, изучением и описанием, по сути, всего того, что было создано и определено ранее политэкономической деятельностью ведущих экономистов и государств. И даже общетеоретические исследования общества, его развития были детерминированы существующей «политической экономией». Показательный пример в этом плане — исследования Г. Спенсера, который обосновал существующую экономику Англии и других ведущих стран естественными эволюционными закономерностями.

Но, объективно необходимая задача разработки (проектирования) и организации наиболее эффективной для общества «экономики», — как совокупности известных процессов, в текущих и предстоящих (прогнозируемых) внутренних и внешних условиях, должна быть возложена, всё-таки, на высшие интеллектуальные институты Общества, — иначе Ему остается ожидать (неведомое время) соответствующего интеллектуального движения «снизу» и роста его политической силы (как это сложилось в России конца 19 — начала 20 в.), или (и) ожидать явного (для всех) и общественно опасного упадка тех или иных фундаментальных характеристик, — принуждающего к революционным изменениям. Таким образом, данное общественно стратегическое Решение, можно сказать, традиционно остается остроактуальным для высшего научно-политического сознания каждого интеллектуально развитого общества.

Думается, методологически правильнее было бы определить указанное выше экономическое направление в социологии как «социологию общественно целевой деятельности (ОЦД)», теоретически анализируя и подчиняя тем самым экономические процессы высшим общественным целям. То есть Социология должна методологически возвыситься до «системной социологии», — адекватной сложности общества. Выделение ОЦД из всей организованной и неорганизованной, корпоративной и индивидуальной жизнедеятельности необходимо и в теоретической экономике. Научная суть состоит в том, что Социология как высшая наука, как научная рефлексия высшего общественного сознания, — по объективному предназначению, призвана выполнить (хотя и с большим запозданием) «первые строки эволюционного Предприятия» — раскрыть «социальную совокупность законов и закономерностей» как естественно заданную «эко-номию» (см. иссл. Э. Геккеля и пр.), которая обеспечила ОЦД, становление и надежное, прогрессивное развитие человеческого общества, задолго до появления процессов, названных (много позже) «экономикой». И соответственно, призвана раскрыть главное — общемировой цивилизационный переход от естественно обусловленного общественного развития к искусственно обусловленному, на базе известных искусственных средств и соответствующих процессов (названных «экономическими»). То есть она должна, в сущности, повто-

ритель исследовательский путь Г. Спенсера и его последователей, но уже на основе несравненно более высоких научно-методологических достижений в познании живой природы, человека и общества.

Представленную выше главу К. К. Жоля надо читать, конечно, полностью. Здесь видится целесообразным привести следующие заключительные тезисы:

«Как видим, вопрос о взаимодействии социологии и экономики не из простых. Поэтому я и назвал эту главу «Социология и экономика», хотя, честно признаюсь, отдаю предпочтение социологическим исследованиям в русле *социологии экономики* (подч. — А.В.) и вот почему.

Чем занимается социология экономики? Социология экономики — это не социологический анализ экономической науки как разновидность социологии науки или экономических отношений, а социологический анализ общественных отношений по поводу экономической деятельности людей. В этом отношении социология экономики близка политической экономии, которую следует отличать от собственно экономической науки, изучающей и описывающей производство, обмен и распределение материальных благ независимо от их социально-политического значения.

Если мы согласимся с одним из определений предмета политической экономии, гласящим, что политическая экономия изучает законы, регулирующие общественное производство и обмен продуктами труда на разных этапах развития человеческого общества с целью установления наиболее общих законов, применимых к производству и обмену вообще, то должны будем сразу ограничить сферу социологии экономики не только по предмету исследования, но и по используемым методам. Очевидно, что социология экономики именно как социология не может претендовать на конкретно-экономический анализ хозяйственных структур, функций и процессов. В первую очередь ее должны интересовать те классы и социальные группы, которые непосредственно участвуют в производстве материальных благ, их обмене и распределении».

Если принять указанную выше и научно необходимую (на мой взгляд) замену «социологии экономики» К. К. Жоля, или «экономической социологии» (превалирующей в современной России), в теоретической её части, «социологией общественно целевой деятельности» (т.е. с научно необходимым расширением предмета социологии до всей совокупной целевой деятельности общества, — которая, конечно же, должна быть наиболее «массовой» и тотальной, — в понимании АСЦ, «целерациональной»). Думается, теоретические основы данного направления надо относить к «социальной философии», — тем более что российские философы уже много лет работают над «социальной теорией» [22; 23].

Данную, большую и сложную науковедческую тему надо рассматривать, конечно, отдельно, после изучения соответствующих публикаций (включая критические) — [24—31], среди которых можно выделить здесь монографию Н. Т. Кремлёва [25], критическую статью В. Г. Николаева [27] и коллективную монографию [31], в которой «экономическая социология» рассматривается как научная дисциплина согласованная с историей, экономической наукой и действующей политэкономической парадигмой. Здесь, в узких рамках статьи, не представляется возможным сделать даже краткий обзор содержания наиболее близких к рассматриваемой тематике книг. Поэтому приведем здесь лишь аннотацию и заключительный фрагмент книги Н. Т. Кремлёва, итоговые выводы В. Г. Николаева и фрагменты указанной коллективной монографии.

В аннотации монографии Н. Т. Кремлёва говорится: «Историческая социология рассматривается в монографии в самом широком смысле как теория социальной истории. Прослеживая факты социальной истории с момента возникновения человечества до наших дней на примере различных обществ и стран, автор показывает единство всемирно-исторического прогресса человечества. Рассматривается ряд теоретических проблем, связанных с развитием экономики, формированием социальной структуры общества, его политической системы, консервативной и прогрессивной идеологии. Автор показывает роль культуры как фактора, опре-

деляющего сущность каждой сменяющей друг друга общественной формации и позволяющего представить общие черты грядущего постиндустриального общества. Попытка восстановления общесоциологической теории может способствовать возвращению социологии статуса науки, теряемого в результате отрицания общественного прогресса и отказа от теории развития общества.

Монография адресована профессиональным социологам, студентам и аспирантам, изучающим социологию, а также всем интересующимся социальной историей и поисками путей общественного прогресса».

Историческое обобщение основных стадий развития общества Н. Т. Кремлёв завершает следующими актуальными разделами:

«Глава 4. Государственный капитализм

Возрастание роли государственного сектора индустриального общества

Социальное бессилие госаппарата современного индустриального общества

Проблемы государственного капитализма

Условия преодоления пороков индустриализма

Супериндустриализм

ЧАСТЬ IV. ПРОГЛЯДЫВАЮТ ЧЕРТЫ БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА

Глава 1. Новые явления, выходящие за рамки индустриального общества

Рост нового сектора экономики

Изменения социальной структуры

Глава 2. Концепции будущего общества

Теоретические концепции будущего

Концепции, вырастающие из социальной практики

Глава 3. Новые социальные движения

Левые теоретики будущего в США

Новые левые

Новые демократические движения

Глава 4. Наше будущее — общество интеллектуальное»

Однако, ввиду использования Н. Т. Кремлёвым исторической методологии («историзма»), критикуемой многими ввиду её неадекватности, «научной нищеты», и отсутствия необходимого системного мышления указанная монография, — хотя и во многом полезная, актуальная (см. богатую библиографию), сразу же вызывает критические замечания (с системных позиций).

В. Г. Николаев приводит в указанной статье следующие выводы:

«Подведем итоги. Итак, когда задается вопрос о текущем состоянии и перспективах социологической теории в России, мы обнаруживаем в ответах много позиций, во многом

друг с другом расходящихся. Есть позиции, что с российской теоретической социологией все хорошо: хорошо, потому что много абстрактных текстов, потому что есть яркие и оригинальные авторы, школы и подходы, потому что есть много публикаций по теории, потому что есть публикации за рубежом, потому что теория регулярно используется в исследованиях и текстах, потому что есть целый ворох парадигм, потому что есть тексты по общей теории, специальным теориям, теориям среднего уровня, потому что есть продолжающийся дискурс, потому что есть модели, потому что есть схематики и т. д. Есть позиции, что все скверно — потому что нет того, другого, третьего и т. д. Есть позиции в сере дине. В основе разных позиций лежат разные представления о теории и разные ее образы. Споры в этих условиях бессмысленны, если не обговорена общая почва для них. А из суммы имеющихся оценок невозможно составить реалистичную картину действительного состояния российской теоретической социологии и ответить на вопрос, движется ли она вперед, а если движется — то каким

образом, за счет чего и куда. И все это в условиях крайней разрозненности, слабости коммуникаций и, как мы полагаем, отсутствия или как минимум дефицита кумулятивности. Множественности представлений о том, что такое теория и развитие теории, соответствует на практике множественность вытекающих из них поведений и стратегий, если, конечно, стремление развивать теорию есть. Эта последняя множественность свидетельствует о внутреннем распылении социологии и ее теории. Здесь резонно возникает вопрос о том, общая ли это судьба мировой социологии или специфика российской; этот вопрос иногда ставится (см., напр.: [Гудков, 2010; Соколов, 2010]), но мы его обсуждать не будем. В любом случае предохранение социологии от распыления и распада требует большей, чем есть на данный момент, рефлексивности в отношении вопросов: Что мы имеем в виду, говоря о теории? Какого развития мы от нее ждем, зачем нам нужно ее развитие, нужно ли нам от нее именно развитие или что-то другое? И можем ли мы в ответах на эти вопросы друг с другом договориться?».

Введение коллективной монографии [31] начинается с такого эпиграфа: *«Экономика — это умение пользоваться жизнью наилучшим образом (Джордж Бернанд Шоу)»*, — («Максимы для революционеров», правильное — использовать жизнь, — А.В.). Комментарий к нему и системный взгляд на «общественное производство», — как главный многоцелевой комплексный процесс воспроизводства и развития общества, был сделан автором ещё в самом начале системных исследований — [32]. Здесь, по тематике статьи, надо сказать, что этот эпиграф следует относить к обществу в целом (как АСЦ) и сказать так: *«Экономика в Обществе, как интегральная характеристика его жизнедеятельности — это результат его мышления об организации своего надежного, прогрессивного воспроизводства и развития в окружающем мире, степень умения использовать свою жизнь для этого в изменяющихся экологических условиях и международных отношениях*. Соответственно, надо считать научно обоснованным выдвигание в теоретических исследованиях понятий «общественная целесообразность» и «рациональное общество», — что автор и сделал в своих исследованиях несколько лет назад (см. ниже), и рассматривать специализированные направления рационализации общества, рационализацию конкретных «институтов» (как информационно-функциональных специализированные subsystemы общественного сознания) и различных функциональных систем (комплексов) общественно целевой деятельности, экспертно оценивать «степень рациональности».

Далее, в монографии [31] мы читаем:

«Экономическая социология сегодня — одна из перспективных отраслей изучения экономики и общества. Она позволяет понять социальную природу функционирования и развития экономики, а также роль последней в современном обществе (звучит научно прогрессивно, — А.В.). <...>

В первом разделе мы рассматриваем историю экономической социологии — основные социальные идеи хозяйства от Смита и Маркса, Вебера и Дюркгейма до Грановеттера и Флигстина [2]. Во втором разделе — основные теории экономической социологии: социология труда, предпринимательства и производства; социология обмена, денег и рынка; социология распределения и собственности; социология вещей и потребления.

В третьем разделе мы раскрываем основные социальные типы хозяйства — традиционное хозяйство (первобытная экономика, экономика античности, экономика Средних веков), капиталистическая система и современная экономическая система. Мы считаем, что именно такая структура курса экономической социологии соответствует подготовке студентов и аспирантов в классическом университете — она сочетает в себе соединение философского, социологического, экономического, антропологического и исторического подходов в анализе хозяйства».

Далее, во Введении рассматриваются следующие вопросы: Что такое экономическая социология. Предмет и метод экономической социологии. Экономика с точки зрения социологии. Здесь видится целесообразным выделить следующие фрагменты:

Что такое экономическая социология

«... в ней соединяются в единое (мы бы сказали — неразрывное) целое социология, история и экономика. Именно с этих позиций нам видится экономическая социология — как интеграция социологического, исторического и экономического подходов (мы еще добавили бы немного экономической антропологии и психологии) в исследовании хозяйства. Для нас экономическая социология — это историческая социология хозяйства, в смысле соединения истории материального (хозяйственного) мира и ее социологического осмысления, а также в смысле понимания экономики как субстантивного процесса. Для нас экономика состоит не только из отношений людей — этого будет мало, — но еще и из вещественных (материальных) структур, в которых и разворачивается экономическое действие.

Экономическая социология воспринимается нами как соединение (или «мост») между экономикой и социологией [3]. Экономическая социология — это не некая отдельно существующая дисциплина, наряду с социологией и экономикой, а та предметная область, которая их соединяет. <...>

Наша общая цель — выработать социологическое представление о том, как организована экономическая жизнь, как она социально структурирована и как воспроизводится. Методологические основания социологии, на которые мы опирались при написании книги, во многом связаны с социологическим подходом, где индивидуальное действие помещается в социальное пространство и определяется социальными и материальными (пространственными, вещественными, временными) структурами. В этом наше отличие от подхода В. В. Радаева, который связывает свой учебник экономической социологии (отдадим ему должное — хорошего качества) с подходом понимающей социологии...

Логика нашей книги в объяснении экономических явлений другая — мы отталкиваемся от социальной и материальной структуры труда и производства, распределения и собственности, обмена и потребления, и далее движемся к объяснению действия и индивидуального поведения».

Предмет и метод:

«Экономическая социология сегодня — одна из ключевых отраслей социологического знания. Логически это объясняется тем, что экономика в современном обществе занимает особое место. Экономика является фундаментом общественного здания, поэтому социология как наука, стремящаяся исследовать всю совокупность общественных явлений — общество как целостную систему, — не может оставить вне поля зрения экономическую сферу. Фактически невозможно говорить о сколько-нибудь серьезном анализе общества, не затрагивая вопросы хозяйственной жизни, поскольку эта сторона общественного бытия не только тесно взаимосвязана с другими общественными сферами, но во многом в современных условиях определяет их содержание и структуру. Например, господствующая рыночная экономика преобразует общество в общество рыночное, где деньги становятся всеобщим средством коммуникации, стоимость — основой социального измерения, а человек преобразуется в «экономического человека», поведение которого определяется экономическим сознанием — системой предпочтений, интересов и рациональным выбором.

В определенном смысле, если общество теперь выступает экономическим обществом, то вся социология — это экономическая социология. До сих пор не существует единого общепринятого определения предмета экономической социологии. Проблема состоит в чрезвычайном обилии и разнообразии таких определений. Обусловлена такая ситуация прежде всего тем, что не существует единого мнения по поводу предмета социологии как науки об обществе. Прак-

тически каждое направление предлагает свое понимание того, что является социальным, и на что в первую очередь должно быть направлено внимание социологов. От того, приверженцем какого из направлений социологической науки является исследователь, занимающийся проблемами экономики, зависит и его взгляд на предмет экономической социологии».

В главе «Досовременные типы экономических систем» авторы делают важное для рассматриваемой темы обобщение:

«Имеют ли вообще примитивные народы экономику? С точки зрения экономики как торговли, обмена и денег — нет, но если рассматривать экономику как социальную систему обеспечения жизнедеятельности общества (то, что называется «human economy»), то такая экономика, безусловно, существует в примитивном обществе (это «эволюционно предписанная» экономика, — А.В.). Дело здесь не в орудиях труда (которыми занимается экономическая археология), существовавших миллионы лет назад. Сами по себе ни они, ни сложность выполнения ими технологических задач не являются причинами возникновения экономики. Животные, кстати, могут создавать конструкции еще большей сложности. Сама деятельность по поддержанию жизни, например собирательство и питание, также не являются свидетельством экономики — это обычная биологическая функция как естественное питание (кормление) у животных. Дело в том, что первобытные народы имели четкие и безусловные нормы социального взаимодействия, которые регулировали и экономическую деятельность в том числе. Это и есть истинная экономика, «вложенная» в общество и им регулируемая, наполненная культурными смыслами и значениями (она требовала общественно целесообразного, рационального развития, но искусственное ее развитие посредством «денег» обусловило развитие искусственной «рыночной экономики», — А.В.). История примитивной экономики уходит в глубь тысячелетий. <...>

Производительные силы, техника как таковая играли малозначительную роль в примитивном хозяйстве, главным было коллективное, совместное взаимодействие. Разделения труда в современном смысле слова не существовало, различие мужского и женского труда не вело к обособлению и возможности перемены труда. Специализация деятельности общины зависела от природных условий. Собственность в основном существовала на территорию общины, которая охранялась от притязаний других групп. Не то что частная, но и личная собственность не была развита...

Распределение — вот настоящее социальное «царство» экономики примитивного мира, а не реципрокность (по К. Поланьи, — А.В.). Оно характеризовалось всеобщностью, но не равенством, как это принято было считать у марксистов, начиная с «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Все члены общины имели право и возможность получать свою долю добычи, но большая или лучшая часть доставалась тем, кому это положено по установившимся традициям (старейшины, охотник, добывший трофей, его родственники и т. п.). Потребление не служит целям социальной дифференциации, а выполняет обычную функцию поддержания жизнедеятельности. Тип примитивного хозяйства с экономической точки зрения — это кочевые, подвижные хозяйства, основанные на присвоении (а не производстве) продуктов природы. Социальный тип хозяйства — общинный, именно локальная община, а не семья, племя или более крупный союз является основной социальной единицей первобытного общества. Постепенно специализированное собирательство превращается в земледелие, а охота — в скотоводство. Оседлый образ жизни и увеличение роли семьи в рамках уже соседской общины приводят к новому типу социально-экономической системы. Хотя новая система еще долго несет на себе отпечаток предыдущего экономического строя, но здесь возникает существенно новое. Само хозяйство становится производительным, в отличие от присваивающего, развивается разделение труда — земледелие, скотоводство и ремесло.

Главная задача экономической социологии при объяснении примитивного хозяйства заключается в том, чтобы выявить социальные основания хозяйства, т. е. в рамках каких социальных отношений, норм, ценностей, структуры осуществлялась экономическая деятельность. Первая сложность подобного подхода к исследованию примитивного общества связана с тем, что для того периода социальная сфера представляла собой непосредственную целостность или тотальность. Мы имеем в виду, что в современном обществе социальные подсистемы общества (и его функции) структурно дифференцированы — отдельно можно выделить политическую, юридическую, религиозную, экономическую и другие сферы, в примитивном же обществе они находились в неразвитом единстве.

С точки зрения теории структурно-функционального анализа, для примитивного общества не дифференцированы не только социальные подсистемы, но и подсистемы действия — личностная подсистема еще не выделилась из социальной (коллективность и социальность существуют еще как бы в чистых своих формах). Другая сложность связана с тем, что привычный и понятный нам стереотип экономического действия в примитивном обществе неприменим. Здесь еще нет личностных характеристик с присущим им утилитаристским стилем действия, нацеленностью на достижение индивидуальных целей. Цели и ценности индивида не так уж сильно отличаются от целей и ценностей общества. <...>

Труд как основа экономической деятельности представляет собой, во-первых, социальную деятельность, во-вторых, единство с мышлением (нецелесообразный труд уже не является трудом в реальном значении слова). Труд и мышление — это две стороны одного целого: социальности существования человека. Поэтому и историю возникновения человеческого общества надо искать в социальности, в основе которой лежит коммуникативность» (*коммуникативность древних людей — А.В.*).

Указанную главу (и др.) надо читать, конечно, полностью, — тогда будет более понятен вывод, который здесь надо сделать, исходя из этой публикации и других, раскрывающих «предэкономические» (относительно современного понимания экономики) процессы древних обществ. На авторский взгляд, видится следующий вывод, — продуктивный не только для действительно научной Социологии:

*Необходимо рассматривать и системно изучать главным образом две эпохи общественного развития (во всем человечестве) — на базе общественно адекватной **естественной экономики** и на базе общественно неадекватной **искусственной экономики**, — понимая «экономику» как совокупность процессов обеспечивающих жизнедеятельное воспроизводство и целевые деятельности общества по достижению высших целей его развития в окружающем мире.*

По этимологии «эко-номику» надо понимать именно как эволюционно предписанный человеческому обществу свод законов и закономерностей, определяемый всеобщими закономерностями живых организаций, «живых целостностей» (в системном представлении). В этом плане надо вспомнить решительное неприятие Аристотелем так называемой (в Греции той поры) «хрематистики» в составе «экономики» как «предписания» обществу об организации хозяйственной деятельности (над которым он, по сути, и размышлял) [33]. Однако морально-философские рассуждения Аристотеля были бессильны против «денежного джина», который овладел мышлением всех граждан стремящихся к обогащению и быстро возвышал свою власть до власти над всем обществом, его развитием. Эта власть разрушила все морально-нравственные и коммунитарные устои общества, сохранявшие и целесообразно развивавшие его целостность. Она быстро функционально «расслоила» эту целостность на известные и научно описанные теперь «классы», «сословия» и прочие слои, на «эксплуататоров» и «эксплуатируемых» (см. историю через «системную оптику»). А искусство «делать деньги» (хрематистика) быстро распространилось на производство товаров широкого народного потребления, с хорошо известными теперь ущербными для общества последствиями, начиная от перепроиз-

водства всевозможной «товарной» продукции и заканчивая, к примеру, изоцированной фальсификацией качества продуктов посредством научно развитых технологий и рекламы «в каждый дом» (независимо от интересов его обитателей), — вместо криков древнего рынка (базара) и вместо общественно полезной для развития граждан информации.

Известные ведущие исследователи рыночно-капиталистического развития ведущих стран Запада М. Вебер, И. Валлерстайн и другие исследовали, по сути, именно общественное (хозяйственное и прочее) развитие под тотальной властью денег, по целям безграничного обогащения активных индивидов и государств. Такое развитие установило, по сути, антиобщественную (хищническую) геномную характеристику наиболее активных в этом плане корпораций и государств — агрессивность, которая определила известную колонизацию слабых, но богатых ресурсами стран и вызвала известные мировые войны. Теперь мы видим уже смертельно опасное для всего мирового сообщества развитие этой агрессивности посредством новых технологий в достижении целей конкретных акторов различного масштаба.

Думается, хорошо понятно, что базовая искусственность рыночной экономики объясняется тотальным использованием «ключевых» искусственных средств — денег и прочих, основанных на них системных средств, известными функциями их в общественном развитии. «Общественная (не) адекватность» (как (не) целесообразность) определяется целями деятельности индивидов и их групп, корпораций. Надо заметить, что искусственность столь важного для общества функционального средства, названного деньгами (денежными знаками, словами национального происхождения) не отмечается как экономистами, так и социологами, и даже в энциклопедических словарях. И понятие «общественная целесообразность» отсутствует в теоретической экономике, соответственно и в социологии, — очевидно, за ненадобностью, поскольку до сих пор отсутствует и общественно адекватное системное мышление в этих науках. Приведенный выше вывод следует из авторских системных исследований «экономического» развития человеческого общества (системно обобщенного). Однако, отечественная социология до сих пор «не желает быть системной» (в личностях активных социологов), — то есть адекватной сложности своему главному «предмету». Пока что она в теоретическом плане использует, главным образом, два методологических направления — историческое и экономическое (см. выше), — которые приводят лишь к описаниям прошлого и текущего общественного развития с тех или иных позиций социолога как «наблюдателя».

Всеобщий переход человечества к рыночным принципам организации экономической деятельности неоднократно отмечался автором в предыдущих статьях. Он требует, конечно, отдельных всесторонних и глубоких исследований. Ниже, в рамках статьи, сделаем в этом плане дополнительный краткий взгляд, а пока перейдем к завершению взгляда на официальное познание общественного развития. Думается, здесь не надо пояснять, что это познание (и соответственно, Социология) определяется «живыми носителями» соответствующих знаний, их жизненными и профессиональными интересами, целями, и таким образом, современная «экономическая социология» видится более удобной для социологов-теоретиков, чем «системная», — которая адекватна сложности и исторической глобальности общественного развития, не говоря уж о современных глобальных проблемах. Однако, это «удобство» означает, в сущности, подчинение теоретической социологии не только «теоретической экономике» (политэкономии), но и реальной политэкономической парадигме общественного развития, и таким образом вся социология окончательно переходит в категорию политически подчиненной «служебной науки» государства, — что отмечает ведущий социолог О. Н. Яницкий, кроме других важных взглядов по рассматриваемой здесь теме мышления — [30]. Общесоциальное, научно ведущее предназначение должна выполнять тогда «социальная философия», — например, в развитие «философии хозяйства» [34] или (и) «социальной экономики», — в мышлении с позиций «философии общественного развития» (против классической «политической эконо-

номии» для политиков), — по примеру [28] и другим. Однако и социальная философия (по крайней мере, российская) не смогла пока (на взгляд автора) занять объективно требуемую (для высшего мышления общества о самости) «космическую позицию» (следовательно и надгосударственную). Думается, содействие в этом, надо сказать, научно и объективно требуемом восхождении мышления может оказать структурно-функциональная (предсистемная) методология в социальной антропологии и этнографии, начатая работами британского ученого А. Р. Рэдклифф-Брауна и других западных ученых (см. ниже), и отчасти начальными системными исследованиями отечественных философов (В. Г. Афанасьев, Э. С. Маркарян и др.).

С другой стороны, — можно сказать, науковедческой, надо вновь обратить внимание на перманентно актуальную тему взаимообусловленности развития высших общественных наук и государственной, политически ведущей идеологии, — как совокупности традиционных (общемировых и национальных), квазинаучных и прочих социально-политических знаний и идей, определяющих государственную деятельность в организации (той или иной реорганизации, модернизации) общественного воспроизводства и развития. Проблему научного определения, сохранения и общественно целесообразного развития «государственной», общенародной идеологии неоднократно рассматривал, например, С. Г. Кара-Мурза [17; 18] и многие другие ученые.

Соответственно, мы вновь обращаем внимание на проблемную статью 13 Конституции РФ, которая с «высоконаучной» позиции явно требует общественно и государственно целесообразной переработки. В ней, несомненно, требуется (с научно-космической позиции) указание на высшие в государственном мышлении информационные средства, обеспечивающие его функционирование по достижению высших целей общества в целом (страны, союза стран), — определяемых окружающим миром, развитием всего мирового сообщества.

Учитывая отсутствие всеобщего научно возвышенного, сущностного понимания современного общества (отечественная социология отказалась от этого направления, — думается, именно ввиду отказа и от системной методологии), надо привести здесь следующий авторский системный блиц-взгляд: *Общество, существующее в геопространстве как страна, «выращивает и образует» так называемое государство как информационный комплекс управления своим воспроизводством и развитием (см. происхождение от «воздеств» и его развитие)*. В рассматриваемом плане надо сказать также, что социально-философски (теоретически) продуктивной является абстрактная модель «рационального человека» (деятельно разумного), которую автор отчасти использовал в своих системных исследованиях. Таковой человек после усвоения определенных информационных массивов *знаний, пониманий и умений* (умений в мышлении и целевой деятельности, — см. соотв. журнал «Знание. Понимание. Умение» — МосГУ — [35]) ставит ряд высших целей развития своей жизнедеятельности для достижения наиболее благоприятного состояния её в существующих и прогнозируемых общественных условиях, выстраивает «древо» подчиненных целей как средств достижения высших (в порядке обратном развитию реальной ж.д.) и организует текущую ж.д. с наибольшим охватом «ветвей целевого древа». Таковым, кратко говоря, *целесообразно рациональным* (по критериям общественной эффективности движений к высшим целям) должно быть (по эволюционному Предписанию) и человеческое общество, высшие цели которого должны обеспечивать наиболее благоприятное состояние его в текущих и прогнозируемых условиях окружающего мира, и благоприятные взаимодействия с мировым сообществом. Системные черты «рационального общества» хорошо видны теперь («большое видится на расстоянии») в великом опыте СССР. Всё кратко отмеченное выше и побудило автора (как отмечалось выше) к постановке социально-философской темы «Рациональное общество», посредством издания соответствующих сборников статей (в 5-ти томах, по тематическим направлениям, — сторонам «рациональности») — [36].

Теперь, в плане отмеченной выше общественно иррациональной искусственности «рыночной экономики», несомненно, рациональным надо считать системное сопоставление современного её состояния, — прежде всего, российского, с организацией «социалистической экономики» в советском сверхобществе. Здесь, в узких рамках статьи, приходится лишь указать на основные публикации, содействующие этому — [37—44], и кратко отметить главное. Социалистическая экономика тоже искусственная (по классическому пониманию искусственности), но её искусственность, — начиная от денежной, была ограничена и функционально определена высшими общественными целями. То есть, «по большому счету», социалистическая революция уничтожила многовековую власть денег над человеком и обществом, — которая выливалась в безграничную эксплуатацию «богатых над бедными», — и установила функционал денег необходимый в принципиально новых, общественно целесообразных процессах Производства и Распределения. Она представила человечеству, в сущности, фундаментальные основания третьей (после эволюционно-естественной), прогрессивной парадигмы общественного развития, — с использованием тех же, — по функциональным свойствам, денежных средств (опасных образованием вредных положительных обратных связей через рыночную и прочую деятельность), но с подчинением их функционирования высшим целям Общества, — в понимании его функциональной целостности (на базе марксизма-ленинизма). К сожалению, надо сказать, объективно необходимые процессы общественно адекватного самопознания сложились, кратко говоря, общественно неадекватно, иррационально — известными политическими процессами властного диктата («диктатуры») текущего мышления и блокирования «иного мышления» государственного характера. Это, конечно, отдельная, большая и сложная тема. Здесь надо обратить внимание лишь на главное. Социалистическое «перестроительство» общества начиналось и происходило, вплоть до пресловутой контрреволюции 90-х годов при существенном недостатке «социологических» знаний фундаментального характера и при существенном, всеопределяющем действии властно-политического разума. Теперь хорошо видно, что начиная с сугубо политических целей революции, всё социалистическое строительство и развитие происходили под определяющим действием догматизированного марксизма и основанной на нем марксистско-ленинской философии. Всё научное отставание в общественном самопознании и длительный опыт рыночно-капиталистического развития ведущих стран сказались, конечно, на формировании новой политической экономии. В этом плане надо обратить внимание на первые учебники А. Богданова, а в анализе всего опыта СССР — на уникальный учебник института экономики АН СССР 1955 г. — [40].

Тем не менее, благодаря революционно заложенным фундаментальным основам, даже при известной (и нарастающей) общественной неадекватности политического разума, общественно целесообразные процессы Производства и Распределения, — как коренные процессы экономики, можно сказать, были существенно приближены к объективно необходимым системным процессам. Производились не «товары», — с целями достижения производителями максимальной прибыли, а общественно целесообразные (полезные) продукты (начиная с продуктов питания). Слово «товар» было просто сохранено (это и необходимость «нетоварного» (не рыночного) производства отмечал даже Сталин, в известной экономической работе). Соответственно и распределение было направлено на общественно целесообразное воспроизводство и развитие, профессиональное и прочее развитие человеческих ресурсов и материально-технической базы, — действующего Тела сверхобщества.

Эти процессы (системного рода) основывались на общественно рациональном понимании и использовании денег. Они использовались преимущественно как средство общественно и человечески целесообразного, рационального («целерационального», по М. Веберу, — не достигнутому системного понимания «денег» в обществе) распределения продукции общественного производства и импорта, и общественно рационального ограничения потребления [40; 41]. Внешняя торговля являлась сугубо государственным делом (по целям общества, а не биз-

неса в рыночной экономике), — учитывавшим значение экспортной продукции для дружественных и недружественных стран, стратегическое значение внутренних ресурсов, особенно энергозатратных и невозобновляемых (напр. титана, алюминия и пр.). Человеческие ресурсы всесторонне оберегались и целесообразно для общества развивались не только экономическими средствами (начиная от производства продуктов питания), но и хорошо известными культурными, информационными. Надо учитывать, конечно, обусловленность многих ущербных для того сверхобщества «заблуждений» в политике и экономике существенным недостатком социально-системных знаний, как отмечалось выше (см. догматизацию марксизма и политическое блокирование системного самопознания, — начиная от А. Богданова). Надо учитывать и частичное сохранение рыночного мышления, сохранение понятия «рентабельность» и связанной с ней прибыли производителей. Особое, «тормозящее» значение имело сохраняемое «бюджетное» управление всем общественным производством. При современном, системно-широком его понимании, как совокупного полифункционального общественного процесса целевой производительной деятельности, требуется ресурсное управление с контролем и учетом затрат, и рациональным (для человека и общества) нормированием «доходов» производителей (акторов), по их «трудовому вкладу» в общественное развитие. В СССР, кроме прочего, использовалось, в принципе, функционально-организменное нормирование обеспечения человеческой общественно целевой «трудовой» деятельности (см. профессиональные тарифно-квалификационные нормы) посредством ограничения денежных средств для потребления продуктов через общие торговые предприятия — «общественные распределители». Таким образом, наиболее комфортная жизнедеятельность граждан могла быть достигнута лишь наиболее большим вкладом их в прогрессивное общественное развитие, — что, конечно, наиболее рационально для общества и справедливо в плане организации совокупной производственной и прочей жизнедеятельности граждан. Это, однако, отдельная, большая и сложная тема, — отчасти исследованная и многосторонне представленная автором в предыдущих публикациях — [32].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.